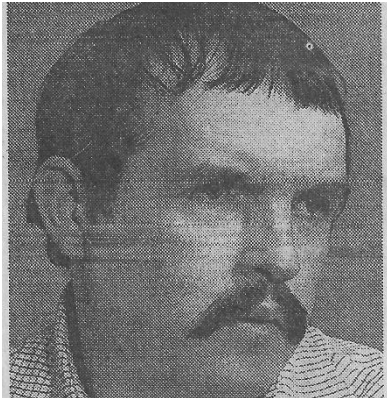

Пётр ЧУСОВИТИН

«ЗАПИСКИ

ПРЕЗИДЕНТА»

Опыт конструктивной критики

«Вышел в свет II том полного собрания сочинений Бориса Ельцина. Во весь его исполинский рост встает с незамысловатых страниц свой в доску, до ужаса близкий, родной и живой нынешний, всенародно избранный Вождь. Учитель. Друг. Книга богата обилием характерных подробностей и примет комически-курьезной феноменологии шестидесятиничества — диковинной компании, травматически задетых потоком идей, неувядаемых «ребят» и «девчат», в ней много отличающихся забавной старческой детскостью, плоских и диких соображений о судьбах мира, бессвязных душевных излияний, ночных фантомов и наивных иллюзий автора, в особенности на собственный счет. Кроме того, она снабжена почти сотней цветных фотографий, являющихся выдающимся образчиком весьма подлого вкуса, подчеркнутого дорогим полиграфическим оформлением, и предусмотрительно посвящена покойной маме, лишенной возможности по достоинству оценить этот сыновний дар. Все это, вместе взятое, могло бы вызвать чувство самого горячего сострадания, если бы не опасность оказаться в роли строительного материала для химерических, но по-звериному серьезных президентских предначертаний.

И все же, во имя общественного согласия, необходимо признать, что в промежутке между «Исповедью» и «Записками» политический романист сумел-таки здорово набить руку. Его новый труд отмечен небывалой прежде, пронизывающей до кишок, глубиной психологического анализа и уже вполне может соперничать с лучшими достижениями «Апреля» по степени профанирования и идиотизирования взглядов политических противников и злокозненных недоброжелателей, у большинства из которых обнаружены существенные личностные дефекты, почти у каждого «какое-то отклонение в поведении, мышлении, психологии».

Вообще при ознакомлении с их «словесными портретами» не оставляет чувство, что ничто так не окрыляет, не возвышает и не вдохновляет Ельцина, как сознание психической неполноценности и моральной низости оппонентов. У Янаева он выявил «вытесненный комплекс неполноценности», по закону компенсации менявшийся по мере взросления ущербного Гены совершенно ложным чувством сверхполноценности. «Палач» Крючков, по его медицинскому заключению, болен «банальнейшей шпиономанией». Ему, видите ли, померещилось, будто демократы собираются уменьшить народонаселение страны, когда оно — этого только слепой не заметит! — что ни год, то прибывает. Ну не псих ли?

Анпилов «слегка «сдвинулся» на революционной романтике». И хотя психоаналитик признает, что «жители целых регионов по много месяцев не получали зарплаты и пенсии», но, согласитесь, это ведь не причина, чтобы отказываться от высоких нравственных идеалов. Тут сам Ростропович, понимаешь, приезжает с американским оркестром, а вы только о жратве думаете. «Особенно подло, что Анпилов собирает под свои знамена воинствующих стариков. Я могу понять их чувства, их органическое неприятие того, что сейчас происходит вокруг. Но подставлять их под милицмейские дубинки, да еще доплачивать за это к пенсии?! Это уже не

революционная романтика, а откровенный цинизм.» Благодарю — не ожидал. Приятно видеть сторонника рыночной экономики, восстающим против купли-продажи. Но где логика? Выходит, чтобы не быть циничным и «сдвинутым», разумнее и благороднее доплачивать милиционерам за избиение пенсионеров. Это не подло. А старики.., что старики? С жиру бесятся, да и из ума выжили, — вот и идут к Анпилову. Почитай, у любого неадекватная реакция. На вопрос тележурналиста: «Чем недоволен, люмпен?» он, вместо того чтобы выразить полное и окончательное удовлетворение, начинает перечислять свои несчастья. О том, что они не родились люмпенами, а кто-то их таковыми сделал — и речи нет. Некоторые из этих психов договариваются до нелепого утверждения, будто декларированное право на жизнь вместе с лишением права на средства к существованию — гнусное фарисейство. Хорошо хоть, что с карательной медициной навсегда покончено, и новейшая демократическая психиатрия неопровержимо доказала: заведомо завышенный уровень притязаний, если он распространяется на такие «общечеловеческие ценности», как мыло, соль, спички, одноразовое питание, а также повышенное раздражение при извещении об увольнении и, главное, податливость к внушению со стороны национал-патриотов — бесспорные признаки психических отклонений.

У «визгливого» Хасбулатова какая-то очень подозрительно странная, «природная страсть быть лидером». Возомнил себя Наполеоном, чудак, а того не смикнул, что Наполеон — сам главврач. И уж если столь больной человек руководит Съездом народных депутатов РФ, то диагноз напрашивается сам собой: «это коллективное безумие. Не может такой орган руководить страной». Защитники бывшего Верховного Совета РФ — сущие «психопаты». Да и избирателей не мешало бы полечить. Не тех избирают. Тяжелое психическое заболевание оказалось у Зорькина, выглядевшего поначалу тихим и незаметным. «Откуда взялась эта сумасшедшая тяга к власти?» Это сумасшествие, осеняет доступная пониманию диагноста догадка, объясняется тем, что девушки в школе и институте не обращали внимания на внешность будущего председателя Конституционного суда. Не верите? Тогда откройте стр. 294. Все дело во внешности. Сам Ельцин при изучении пригодности Зорькина на эту должность купился на обманчиво скромную внешность, рассчитывая, что он будет сидеть тихо, как мышь. А этот тихоня на самое святое покусился, права начал качать. Ясно, что сумасшедший. Сумасшедший, но не дурак.

«Предатель» Руцкой — «мольеровский святоша, который со смиренным и одухотворенным видом рвется к президентскому креслу». А что есть, если вдуматься, лицемерие и ханжество? Отклонение от психической нормы. И, следовательно, нет ничего удивительного в том, что за его смиренным видом таится, — оцените пронизательность психологического разбора! — «агрессивность, нацеленность на поиск «внутреннего врага» и «глубоко спрятанная и оттого всегда для окружающих неожиданная злость».

Теперь понимаете, какое счастье, что от этого злобного типа вас защитил добряк-президент? То-то. Кто, кроме мольеровского святоши, окажется сбитым в небе Афганистана? Ведь с нормальным человеком такого не случится, не так ли?

Прямо противоположные психологические характеристики дает патологически здоровый Ельцин своим сообщникам. Черномырдин — «настоящий, крепкий, сильный человек». Жалко, что он не встретился Борису Полевому. Он бы о нем повесть написал. Его Святейшество Алексей II — воплощение «спокойствия, выдержки и мудрости». Этого ничто не колышет. Ему хоть всех перестреляйте — не вздрогнет. Отпоет без задержки. На небе разберутся — кто прав, кто виноват. Ерин — „глубокий, умный, очень совестливый, замечательный человек“. Есть какая-то поистине удивительная закономерность в том, что чем более деликатными и секретными делами занимаются подручные первых лиц государства, тем они совестливее. Ну просто непрерывная вереница душевно тонких, ранимых и беззаветных рыцарей без страха и упрека. Даже странно, что они впоследствии частенько плохо кончают. Не иначе как от избытка совести. Короче, октябрьская бойня в изложении ее организатора по высоте политического анализа очень напоминает убойный, отличающийся крайней

доходчивостью даже для дебилов, голливудский боевик про схватку «плохих» и «хороших» парней со счастливым концом.

Отвратительнее всего даже не сама патологизация и демонизация «образа врага». Это, увы, необходимое условие современной, без преувеличения мерзкой, политической игры на политической сцене по якобы демократическим правилам. Кому она противна, тому в ней лучше вовсе не участвовать, а поискать другие пути для осуществления своих политических идеалов. Однако игра по-своему честная: кто кого обманет. Пугает то, что создатель этого «образа», рожденного его резко суженным сознанием, сам свято верит в нарисованную им чудовищно-аляповатую картину, не понимая, что примитивизм политической мысли отнюдь не возмещается ее самодовлеющей психологизацией и морализацией, а, напротив, ведет к еще большему провинциализму и упадку.

Открывшийся уровень политического сознания автора книги при отсутствии каких-либо признаков способности к самостоятельному политическому творчеству вызывает поистине безысходное чувство «конца истории» и, очевидно, столь же опасен для современной российской государственности, как, например, претензии на роль нейрохирурга человека с опытом мясника. Об этом можно уверенно судить хотя бы по тому, что он совсем не видит представляющихся возможностей, если применяемые им и к тому же полученные из третьих рук расхожие фрейдистские штампы приложить к его собственным исповедальным откровениям. При желании в них можно отыскать столь густую мешанину психоаналитических подтекстов, что сам основоположник смешения древнегреческих мифов с половыми органами в тупом недоумении встал бы в тупик.

Итак, обратившись к продиктованным болезненной страстью к душевному самообнажению малохольным признаниям автора «записок», можно с умным видом объективного ученого высказать осторожное предположение, что его одержимость бредовой сверхценной идеей «переустройства России на цивилизованных началах», — равно как и многочисленные мании, комплексы и психофантазмы, принимаемые им за «убеждения», обусловлены пережитыми в детстве унижениями и страхами, а также множественными черепно-мозговыми травмами, полученными в течение жизни. Лавина нечеловеческих испытаний, бедствий и вражеских происков обрушилась на героя едва ли не за девять месяцев до его рождения. Уже в самом начале жизненного пути маленькому Гераклу в момент крещения пришлось вступить в неравную, но победоносную битву с клерикальной змеей, когда деревенский священник (наверняка стукач, так что крещение недействительно), видимо, опознав в младенце будущего демократического фюрера, едва не утопил его в бадье. Вслед за попом черное дело задумала обыкновенная лошадь. А ведь казалась тихой, как Хасбулатов, и незаметной, как Зорькин. И вдруг ни с того ни с сего понесла и чуть не убила. Сволочь. Вполне вероятно, что ужас и страх, пережитые в трехлетнем возрасте во время ареста отца, произвели на Ельцина примерно такое же действие, как оскорбления жандармами царской охраны невесты Дзержинского, происшедшие на глазах будущего чекиста, что способствовало укоренению в обоих общей страстишки к кровопусканию.

В пользу этой версии говорит и смачный звук упоминаемого в книге отцовского ремня, с помощью которого суровый родитель жестоко, но безуспешно пытался ввалить строптивому потомку ума через задние ворота, и желанное освобождение от подавляемых им страхов не могло впоследствии выразиться иначе, как в форме непреодолимого влечения к садистскому любованию массовым убийством безоружных людей. Ведь при деформации сферы эмоций и извращенной логике сильнее унижает тот, кто больше других боится унижений. Кроме массы аварий и катастроф, немало душевных сил и здоровья отняли коммунистические ревизоры, от которых большому зайцу приходилось бегать по вагонам, напряженные игры в «буру» с урками, драки с уголовниками из-за мочалок в Марьиной роще, волшебный полет графа Монте-Кристо с моста в реку, подстроенный врагами народа. Конечно, хорошо, что в России еще не перевелись богатыри с крепкими лбами, но ведь всему есть предел. Ухудшение состояния уже надломленной психики борца за все хорошее, приведшее к неподдающимся коррекции

эпилептоидно-психопатическим изменениям его светлой личности не в последнюю очередь было вызвано почти невыносимым периодом вынужденного двоедушия — трагической необходимостью скрывать за сверхкоммунистической внешностью антикоммунистическое нутро, в результате чего вся его деятельность последнего времени доказывает: чем сильнее больной находится в плену прошлого, тем острее ненавидит его, и чем с большим остервенением он «освобождается» от былого, тем глубже вязнет в нем. Психологией постоянно куда-то прорывающегося «окруженца», одержимого навязчивой озабоченностью о том, чтобы в любую минуту быть наготове, объясняется и его волейбольно-теннисная спортомания. После обнародования параноидально-тревожных президентских догадок на счет психического здоровья своих оппонентов не покажется чрезмерным, если кто-нибудь из них, в свою очередь, не заподозрит в похвалах, расточаемых в адрес Ерина и «Его Святейшества» бессознательную тягу к педерастии как следствию нарастающей старческой эротомании и сексуальной деградации. А полное отсутствие в четырёхсотстраничной книге дежурных признаний в безумной любви к животным, столь свойственное вождям всех времен и народов, наведет их на мысль о тщательно скрываемой склонности к зоофилии. Со своей стороны добавлю, что президент, несомненно, поражен тяжким комплексом Бабы Яги (фу, фу, русским духом пахнет!)

«Не знаю, как других читателей «записок», написанных будто бы с целью «объясниться», а меня при описании событий 1991 — 93 г.г. более всего поражала не столько беспардонная ложь, относящаяся к собственно фактам, и не крайняя односторонность их оценок и действующих лиц, сколько президентское «Мы».

Вот Ельцин полемизирует с Солженицыным: «Да, в каком-то смысле Россия — мать. Но в то же время Россия — это мы сами. Мы — ее плоть и кровь, ее люди». Вот что он ставит себе в заслугу: «Стало очевидным, что окончательно ушла в небытие схема, по которой жил русский человек, — «мы» и «они». (...) И вдруг стало ясно, что стены нет. Там, в Кремле, такие же «мы». С чем вас и поздравляю. Подписав указ № 1400 и воплотив его в жизнь, главарь заявляет: «С этого момента Россия вступает в новую эпоху. Мы сдираем, счищаем с себя последние остатки грязи, вранья и фальши, накопившиеся за семьдесят с лишним лет. Еще несколько усилий — и нам всем станет дышать легче и свободнее».

Что значит «нам всем»? Убийцам или оставшимся в живых? Потому что тем, кого благодаря президенту теперь нет, легче уже не станет. Что за совместное «мы», какие общие моральные переживания могут быть между мучителем и жертвой, убийцей и, скажем, вдовой, матерью или дочерью убитого? Глава государства, нарушивший священный принцип внутреннего мира, т.е. решивший осчастливить народ с помощью натравливания одной его части на другую, утрачивает моральное право на роль общенационального лидера. Более того, ставя свою политическую или экономическую программу выше самой жизни людей, ради которых она якобы осуществляется, он становится национальным преступником. И какие бы доводы ни приводились, невозможно поверить, что у главного заговорщика, сосредоточившего в своих руках всю мощь государства, не нашлось иных средств по роспуску ненавистного парламента, кроме демонстративного расстрела. Нет, здесь явно просматривается не одна политическая воля, но и психопатическое намерение устроить и «проучить» за перенесенные «унижения». «Когда на тебя в упор или украдкой смотрят ухмыляющиеся, уверенные в полной своей безнаказанности депутаты — сложно точно и адекватно реагировать. Вы не представляете, какая это тяжесть». Только за горькие слезы Наины, пролитые из-за ухода Гайдара, их четвертовать мало. Много зла пришлось от них пережить. Вздумали, понимаешь, не на те кнопки нажимать. В общем, «Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят!» А раз так, то вот вам «адекватный» ответ! так что с 4 октября 1993 г. никакого общего «мы» больше нет.

И, кроме того, очень странно слышать это МЫчание от человека, приплывшего к власти на волне критики так называемой «командно-административной системы». Легко ли сказать,

сколько было сломано толкачами Ельцина перьев и потрачено ядовитой слюны, чтобы заклеить позором и разгромить “страшную своей безликостью” армию номенклатурщиков, чинуш-бюрократов и аппаратчиков, развенчать макаренковский коллективизм и поставить во главу угла права Человека, неповторимую Индивидуальность и инициативную самодостаточную Личность! И, казалось бы, теперь, когда “террора совковой среды” больше нет, копеечным писакам, мнившим себя уникальными личностями и невостребованными талантами, можно было бы, попав в долгожданное царство свободы, больше не «мыкать», а говорить лично от себя.

И вдруг опять это безличное, бесструктурное, пустомельно-риторическое “МЫ”! Вместе с президентом в духе отвлеченного гуманизма и от лица неопределенного множества дружно мычат его подпевалы.

Л.Жуховицкий: «... Мы в этой войне теряем страну...» А.Минкин: «У нас с Украиной есть спорные территории». В.Войнович: «У нас, боюсь, некоторые готовы сражаться за Курильские острова...» В.Познер: «...Нас учили...» Д. Гранин: «Мы наконец поняли...» А.Нуйкин: «Культура наша истребляется...» А.Гельман: «... Как бы мы к Горбачеву ни относились...» В.Шахновский: «... Мы нуждаемся в усилении исполнительной власти». А. Аронов: «... Теперь мы не столь наивны». Т.Х.Никитина: «... При рынке, к которому мы так стремились...» Р.Карцев: «... Такая страна у нас, сколько городов, работай — не хочу». В.Новодворская: «Александр Николаевич Яковлев неспроста побаловал нас по ТВ...» С. Альтов: «... Чего-чего, а занятых историй у нас в жизни хватает». В.Зорин: «А вообще у меня такое впечатление, что мы говорим не о том, все мы мыслим не о том». Вот это верно.

Но кто же эти «мы», «нам», «наше»? Что, казалось бы, общего между Минкиным и Новодворской? «Взгляды» у них разные. Пол, вероятно, тоже. Общее вот это «мы», хотя оно никак не определяется. Было бы честнее, если бы они откровенно заявили: «Мы, евреи считаем, что обладаем исключительным «правом на русских», включая президента страны, и поэтому выступаем от их и его имени. И мы не позволим ему, когда он говорит «мы», иметь в виду еще кого-то, кроме нас. Следовательно, под национальной безопасностью, контролируемой помощником президента русскоязычным Батуриным, следует понимать только нашу безопасность. На вас нам наплевать. Мы вас убивали вашими же руками и будем убивать». Но ведь не говорят. Они же теперь «цивилизовались». Неужто опять вздумали отрешиться от своей национальной ограниченности?

Только на сей раз не в пользу пресловутого «пролетарского интернационализма», а кое-чего другого, посущественнее? Но тогда кто вы? «Братья по разуму», абстрактно-энциклопедические «робинзоны» или так называемые «порядочные люди»? Мне понятно, когда я читаю: «Мы, белорусы, надеемся...» Или, «По нашим бурятским обычаям принято...» Понятно также, что любая попытка отождествить национальную идентичность (русскость) с политической, конфессиональной, социальной, культурно-языковой, географической, исторической, психологической или иной принадлежностью — с этнологической точки зрения несостоятельна. Подмена русского — капиталистическим, коммунистическим, советским, монархическим, русскоязычным, евразийским и т.д. — ничуть не лучше, чем его подмена, скажем, японским или невнятно расплывчатым «мы».

Поэтому мне, русскому человеку, и Руцкой с дважды измененной им национальностью матери, вместе с нашедшей свое счастье у Валентина Абрамовича Юдашкина женой Людмилой, и Жириновский с папой Эйдельштейном, так же чужды, как обсиженный евреями, мыкающий Ельцин.

Правда, был случай на 7 марта, когда мучимый бессонницей «наш» президент в момент просветления, на минуту освободившись от навязчивого видения обступившей его в бетховенском зале верноподданной шоблы, вроде как озадачился:

«Где теперь белые, где красные? Те герои или эти? А может, никакие не герои? Ничего не разберешь. И кто мы сами?»

Отвечаю: вы — никто. За вами ничего, кроме голой силы и подпирающей ее вселенской смази, не стоит. И поэтому, пока ваши «реформы» будут плодить и размножать таких, жиреющих на народном горе ельциноидов-иудиоидов, как Шпигель, Масарский или Боровой, будет набирать силу и русская интифада.

Подобно тому, как спустя двадцать лет после 1917 года Россия совершила трудный, кровопролитный поворот от космополитической доктрины мировой революции к национал-большевизму, и из ядущего вышло ядомое, современная Россия, совершив национально-освободительную революцию, вырвется из пут транснациональной «цивилизованности». Будет ли она после этого национал-капиталистической, национал-социалистической или какой-то ещё — это уже другой вопрос. Но она будет национальной.

Слышите вы? И ухом не ведет. Хотя вроде бы тихо. Ночь. Все спят, кроме Коржакова с Барсуковым. Вон они на стреме сидят, хлопают глазами. Но не слышит. А зря. Ведь даже и Минкину, недавно признававшемуся: «...Нам (честное слово, я совершенно не знаю, кто эти «мы», а раньше знал) ...» становится неудобно мычать.

Та же патологическая надмирность и венаходимость, свидетельствующие о существенной потере ориентации, проявляются в рассуждениях бедного сочинителя, когда он переходит из политического в культурно-философское пространство. Бурбулис, пишет Ельцин, «произвел на меня сильное впечатление своей эрудицией профессионального философа». Признаюсь, мне трудно представить тот уровень умственного развития, при котором преподавателя философии можно принять за философа. Однако коль скоро в наше время философами не рождаются и не становятся, а назначаются, то почему бы и Бурбулиса не объявить философом? Тем более, что для этого есть подходящие прецеденты. Если в июне 1967 года Еврейский университет в Иерусалиме объявил почетным доктором философии победителя в шестидневной войне начальника генерального штаба Армии обороны Израиля, генерал-майора и живодера Ицхака Рабина, а в июне 1992 года израильский университет им. Бар-Илана провозгласил почетным доктором философии, находившегося в Израиле с частным визитом «лучшего немца» Горбачева, то на этом фоне, пожалуй, и Бурбулис выглядит, по меньшей мере, Маймонидом. Скорее уж следует удивляться тому, что Еврейский университет до сих пор заодно не объявил доктором философии и Ельцина после столь блистательно защищенной им диссертации в октябре 1993 года. Чудесная была бы компания.

«Егор Гайдар, — по авторитетному мнению, путающего падежи, тонкого знатока литературы, — вырос в семье, принадлежащей к советской литературной элите.» Как вам это нравится? Если творец «Мальчиша-Кибальчиша» — представитель литературной элиты, то кем тогда прикажете называть Шолохова, М.Булгакова, Леонида Леонова, М.Пришвина, Андрея Платонова, К.Федина? Посредственностями? Похоже, в пику Сталину, державшему вторгаться в языкознание, нынешний обитатель Кремля задумал его переплюнуть в литературоведении. Право же, Ицхак Рабин с Горбачевым и Бурбулисом в качестве представителей философской элиты едва ли уступят Бажову с выводком Гайдаров и Стругацких в роли литературной элиты.

Немало комплиментов роздано в книге и театрально-киношному сброду озвучивателей чужих мыслей, названных за поддержку на апрельском референдуме (1993 г.) «знаменитыми

людьми», хотя любому непредубежденному зрителю, поглядевшему на телетрансляцию холуйских радений в гусмановском Доме кино гигантов ельцинского «возрождения» — господ Захарова, Рязанова, Хазанова, Tabakova, Мордюковой, Фатеевой, Ахеджаковой и проч. — уже не придется долго раздумывать о том, почему в средние века лицедеи хоронили на живодерне. Петушка хвалит кукуха...

И уж, конечно, уральскому ложкарю, для которого даже рулады, выводимые на саксофоне американским лабухом, должны казаться верхом совершенства, может померещиться, что в лице Ростроповича его «благословляет самое высокое искусство, выше уже не бывает», хотя и ему понятно, что в музыке только композитор является собственно творцом.

Ну да каков поп — таков и приход. И в этом приходе, именуемом «президентским клубом», критерием талантов служит, естественно, собачья преданность, а основанием для исключения (так записано в уставе) — предательство. Иначе и быть не может. Ибо эта преданность есть по форме личное, а по сути — общественное отношение, обусловленное возможностью произвола, с одной стороны, и незащищенностью, с другой, есть реакция на фактическое бесправие и его результат. Расцвет «неформальных» объединений такого рода — признак того, что официальные, подконтрольные обществу и государству институты власти, становясь все более недееспособными, превращаются в формальность. Но внешне все выглядит благопристойно. В клубе «собираются люди, близкие по духу, по взглядам, симпатичные друг другу, которых всегда хочется видеть». «В его составе ученые, журналисты, политики, бизнесмены, деятели культуры...» Удобно. Всегда под рукой находятся подходящие человечки, готовые каждый в своей сфере деятельности, оплачивая свою условную принадлежность к элите, пропагандировать политику и саму личность президента клуба, «поверх барьеров», так сказать, проталкивать нужные решения, формировать «общественное мнение». У вас своя компания — у президента своя. К чему всякие публичные бдения, слушания, запросы с их обязательной трансляцией по телевидению, когда можно в привычной со времен межрегиональной депутатской группы, непринужденной обстановке, сочетая приятное с полезным, обмозговать как стратегические и тактические вопросы, так и кадровые перемещения? Этак же сподручнее вести дела, чем разрешить «парламентский час», а через месяц-другой снова разгонять парламент. Нет, «президентский клуб» — пока не ложа. Здесь другой, более возвышенный замысел. Примерно так же, совершенно бескорыстно в банях Столярного переулка собирал «симпатичных людей» другой легендарный «политический спортсмен» — Отари Квантришвили.

Впрочем, Борис Николаевич не одну элиту любит. Народ он любит еще больше. В «напряженные моменты мне совершенно необходима поддержка именно простых людей, людей с улицы, совершенно случайных, никаких не избранных. Только от них я черпаю жизненную силу, если трудно. Если наступает предел», — признается Антей. Если, конечно, они не «красно-коричневые люмпены». С теми у него разговор короткий. Зато с «простыми людьми» он — само обаяние. Ему несвойственны барское самодовольство и самоуверенность. Никто так не заботится о людях, не хочет так искренне узнать правду, как он. О, он умеет уважительным отношением вызвать их на сердечную доверительность, доподлинно выяснить нужды, чаяния, помыслы, а когда у них не останется от него никаких секретов, — принять внезапное смелое решение, чтобы больше не прочухались. С честными, правдивыми людьми можно выкарабкаться из любой пропасти, если знаешь правду и имеешь совесть. Это она заставляет ворочаться и мучительно думать по ночам: что еще недоделано, что упущено? Сколько их еще осталось — голодных, недострелянных, недобитых? Много однако. Где взять на них силы? У них и взять. И где найти достойного преемника, кому передать бесценный накопленный опыт? Тяжела ты, доля президента. «А знаете ли, что у алжирского дея под самым носом шишка?» Знаете ли, что поскольку эти умопомрачительные «записки» написаны вовсе не президентом, а Вале́й Юмашевым, всякий, кому вздумается их комментировать, сам попадает в

положение, заставляющее усомниться в его вменяемости? Ну что ж, пусть они написаны и не Ельциным, зато другому так не напишут.

Газета «Аль-Кодс, Москва, 1994 год